„Пишу я с мыслью о народе: дышу, живу его судьбой“

А. Ф. КАРНАУХОВ

. . .

Не назову свой голос вещим—
не достает до облаков.
Да и поэтикой не блещет,
но я пишу. Для земляков.

Пишу, не мня себя поэтом —
они ж дают иной портрет:
на нем [стыжусь сказать
об этом]
Я — первый Кежемский поэт.

Ах, суета сует! Игра ребячья!
С годами, как болезнь,
пройдет,
Все — временно. Все —
преходяще!
Не преходящ лишь мой народ.

Не из тщеславья мои строки.
и любования собой —
пишу я с мыслью о народе:
дышу, живу его судьбой.

Стихи, какие есть и песни,
язык и темы — все ему.
И кроме нас, неинтересны
и непонятны никому.

Да, голос мой и слаб
и тонок —
не конармейская труба.
Он что-то вроде камертона.
Нет, он не факел, не набат.

А вот финал моей судьбы:
стихи забросят без почтенья
И друг вздохнет,
сказав: «Он был
поэтом местного значенья».

Вам!

«Если бы вы не победили, мы бы сейчас в Германии во как жили».
(Из разговора).

Лежит страна, едва живая,
не дай нам Бог еще огня...
Болит, как рана ножевая,
все больше сердце у меня.
Уже со рвеньем бесшабашным
Юнцы склоняют нас к вражде:
день упрекают наш вчерашний
и бьют сегодняшний наш день.
За что на нас-то вы поперли
свой гнев неправедный, юнцы?
За то, что все не перемёрли,
дазно не отдали концы?
За то, что вас, как хлеб,
растили,
а нашим бедам нет числа?
За то, что берегли Россию,
а нас она не берегла?

Не вас пытали при аресте,
а нас, жертв «классовой
борьбы»,
в года террора и репрессий
не вы, а мы шли на распыл.
Не вам, «врагам народа»
тройка
давала «вышку» второпях,
не вас морили на спецстройках
и в соловецких лагерях.
Не вы на фронте умирали
и шли на смерть у стен
Москвы,
и в полумертвом Ленинграде
мы голодали, а не вы.

Покуль

Просьба мамы, как забава:
путь не длинен, не тяжел.
Прибежал внук к бабе: «Баба!
Я к тебе по куль пришел!»

Голос внука добр и звучен,
занял бабушкину куть.
«Я откуда знаю, внучек,
где ты шел сюда, покуль?»

— «Баба, баб, не поняла ты:
Я по куль, по куль (!)
пришел!»
— «Что ты все одно заладил?
Это ведь нехорошо».

— «Да по куль я, понимаешь!»
Рассердилась уже та:
— «Я почем, откуля знаю,
ты покуля шел сюда?»

Закричал внук, чуть не плача:
— «Я пришел к тебе по куль!
Маме куль! — уж плакать
начал —
Куль! ей надо под муку!»

— «Ах, по куль ты!
Вот те здравствуй!
Не придумаешь чудне...
Так бы и сказал ты сразу,
что по куль пришел ко мне!»

Кежемская церковь

На крутом берегу,
куполами к богам,
возвышалась трехглавая
церковь,
как Василья Блаженного храм
(да простит мне Москва
эту дерзость!).

Но легка! Стены те высоки
и белы.
Облакам и ветрам всем
открыла,
словно в небо готова уплыть
голубым кораблем
белокрылым.

И плывут купола в золотых
крапах звезд,
а под ними резные оконца.
Весь собор был пронизан
насквозь
проливными потоками солнца.

И видна, как маяк,
церковь издалека:
от Игренькова мыса,
с излуки.
Всем, кому встречь бежала
река,
20 верст оставалось разлуки.

Им, кто парусом плыл
или шел бечевой,
ясно слышался звон
отдаленный.
Звал заблудшие души домой
колокольный тот звон
утопленный.
Звон церковный и в будни
меня обнимал
и в торжественный
праздник престольный.
Мне казалось, что я понимал
Музыкальный язык
колокольный.

Так за что комиссар,
побросав нас, щенят,
вырвал три языка
злой десницей?
Но звонят, и звонят, и звонят
(слышу) колокола на звоннице.

С уничтоженной церковью
я неразлучен:
все живет в моей памяти,
снах,
как шедевр красоты,
несозвучный
той эпохи насилья и зла.

Тройка

«О Русь! Куда несешься ты!»
Н. В. Гоголь.

Вороные лошади цокают
подковами,
мчится тройка весело в голубую
даль.
Скачут кони, горячи — головы
поклонами,
запылился сзади тракт, но
ушла печаль.
Ветер встречный бьет в лицо
и гудит, как колокол.
Раздался разбойный свист —
разгулялся всласть.
Опьянели седоки, и раздольно-
молодо
по дороге ветровой песня
понеслась.
Кучер хлещет лошадей — все
быстрей, безбожнее,
все четыре колеса — громы и
гроза.
В вихре слышится то стон, то
мольба тревожная,
и в сердца закрался страх,
смолкли голоса.
Тройка мчится бешено по
дороге во поле,
удила натянуты — коням
не заржать.
Натянул еще сильней — сразу
вожжи лопнули.
Распалился коренник —
нечем удержать.
Сторонятся в ужасе ездоки
степенные:
обезумев, лошади понесли
вразнос,
и не могут крикнуть «стой!»
вороные, пенные...
Мама, мама, страшно мне
падать под откос!

Крест

Так был снят крест в Кежемской церкви в 1930 году.

Пономарь затрезвонил не
благовест,
звал народ не малиновый
звон:
вся набатная троица выла и
плакала,
обрывая предутренний сон.
Попыталась добраться до
звонницы
с топорами и ломами власть...
Крепки, крепки дубовые двери
церковные —
отступилась та власть.
Не сдалась.
Звон несется над сонными
крышами
с края Верхнего на Нижний
край,
а внизу обращенье к
Всевышнему слышали:
«Покарай! Покарай! Покарай!».
И деревья на кладбище
замерли,
люди молча спустились в росу,
будто ночью в церковной
ограде их заперли,
их не выведут и не спасут.
Отчего их покинуло мужество?
Отчего слезы не укротить?
Отчего прихожане, немея
от ужаса,
прижимали детишек к груди?
А по куполу скользкою
кромкою,
у прихода всего на виду
мужичонка чужой, с топором
и веревкою,
пробирался ползком ко кресту.
Шли мгновенья, долго,
мучительно...
И дополз до креста он — грудь
в грудь.
А толпа многоликая думала
мстительно:
«Ой, чтобы тебе шею
свернуть!»
И ударил он крест по
подножию!
Чертыхаясь и матерясь,
бил и бил, стервенясь, по
творению божьему
и ударил в последний раз:
хрясь!
И добилася сила нечистая:
крест сорвался и вниз полетел.
Вслед за ним сам он с криком
неистовым
рухнул в кучу отпрянувших тел.
Пал на землю подрубленным
пугалом
человек окровавлен и бос.
Рядом с ним, позолоченный,
сброшенный с купола,
крест возник, как распятый
Христос.
Крест стоял! До колен в землю
вогнанный,
Крест стоял! И, как мученик,
свят:
вкруг него воссиял, колыхаясь,
нимб огненный —
Затихал, удалялся набат.
Знал звонарь, что расправа
ждет скорая:
уничтожат, объявят врагом.
И повисли мертво языки
колокольные —
Стало тихо и жутко кругом.
Только ждали внизу его вороги.
Встал в окне пономарь чуть
живой:
«Вы простите, простите меня,
люди добрые!» —
наземь кинулся вниз головой.
И с тех пор, когда ветер
губительный
рушил церкви, рубил красоту,
обезглавленный купол
церковной обители,
как надгробье святому кресту.

Ликующий день

Как счастлив был я в тот
апрельский вечер
пришла «депеша» —
позвала меня!
Скорей дожить бы
до заветной встречи,
до этого ликующего дня!

Жжет нетерпенье,
тесно мне и душно.
Рвусь на простор,
все прочее гоня.
Мчусь на подводных
крыльях, на воздушных
я к торжеству ликующего дня.

И вот я с вами.
Нету вас роднее.
Кружится голова,
в объятия маня.
Не от вина, нет!
Я от вас пьянею,
от этого ликующего дня.

День дышит Добротой
и Красотою
и полон вдохновенного Огня.
Что значу я и что
без вас я стою,
без этого ликующего дня?

И облака, и небо голубое,
и речка мчит,
по камешкам звеня —
все для любви, все-все
для нас с тобою,
для нашего ликующего дня.

И ночь пришла,
беззвездная, как морок,
укрыла нас, любовью осеня,
а тишина шушукалась
с мажором
ушедшего ликующего дня.

О грустные минуты
расставания!
Как приговор жду,
голову склоня.
Возьму с собою
каждый миг свидания
и каждый миг ликующего
дня.

Я нашего содружества
частица.
Растет волненье,
грудь мою тесня.
Я — далеко, но вижу
ваши лица,
сияние ликующего дня!